

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ЛЮДВИГ ВИТТЕНШТЕЙН
ЛЕКЦИИ
КЕМБРИДЖ 1930-1932 ПО ЗАПИСЯМ ДЖ. КИНГА И Д. ЛИ

Перевод Т. Михайловой

LUDWIG WITTGENSTEIN
LECTURES
CAMBRIDGE 1930-1932 FROM THE NOTES OF J. KING AND D. LEE
Oxford 1982

СЕРИЯ А: 1930*
ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР 1930 ГОДА

Лекция А I

1. Философия — это своего рода попытка преодолеть замешательство. Это "философское" замешательство — конечно, интеллектуального, а не инстинктивного характера. Философские загадки несущественны для повседневной жизни. Это загадки языка. Инстинктивно мы употребляем язык правильно, но для интеллекта это употребление — загадка.
2. Язык состоит из высказываний (исключим на время так называемые математические высказывания). Высказывания являются моделью реальности, и мы сравниваем высказывание с реальностью. При помощи высказываний мы даем предписания к действию, и эти предписания должны обладать по отношению к реальности тем отношением, каким обладает копия. Предписания, которые мы даем (сигналы, символы, которые мы употребляем), должны иметь общее упорядоченное значение, и их должно быть возможно интерпретировать в частных случаях: например, существует общая договоренность, что, когда железнодорожный сигнал стоит в определенном положении, поезд должен остановиться, и это интерпретируется в каждом частном случае. Таким образом, язык может сообщать нечто новое, и мы можем интерпретировать общие правила языка в частных случаях.
3. Высказывание должно обладать соответствующей степенью сложности: например, команда должна обла-

Лекции публикуются с сокращениями. — Ред. 273

273^

дать такой же степень сложности, что и действие, которое эта команда предписывает (которое должно быть выполнено по этой команде). Так, команда пройти от X к Y по линиям на рис. 1 должна предписывать соответствующее количество движений и поворотов, которые необходимо сделать.

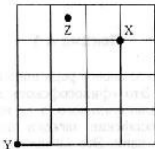

Рис. 1

И если язык может описывать только ту поверхность, которая следует по линиям, то в таком языке будет невозможно описать или задать координаты точки Z, которой нет на линиях.

Язык можно сравнить с управлением машины. Оно обладает той же степенью сложности, что и те действия, которыми управляется машина. Но машина может двигаться только по линиям.

**ЛЮДВИГ
ВИТГЕНШТЕЙН
ЛЕКЦИИ
КЕМБРИДЖ 1930-1932 ПО
ЗАПИСЯМ ДЖ. КИНГА И
Д.ЛИ**

Перевод Т. Михайловой

LUDWIG WITTGENSTEIN
LECTURES
CAMBRIDGE 1930-1932 FROM THE
NOTES OF J. KING AND D. LEE
Oxford 1982

СЕРИЯ А: 1930*
ВЕСЕННИЙ СЕМЕСТР 1930
ГОДА

Лекция А I

1. Философия — это своего рода попытка преодолеть замешательство. Это "философское" замешательство — конечно, интеллектуального, а не инстинктивного характера. Философские загадки несущественны для повседневной жизни. Это загадки *языка*. Инстинктивно мы употребляем язык правильно, но для интеллекта это употребление — загадка.

2. Язык состоит из высказываний (исключим на время так называемые математические

высказывания). Высказывания являются моделью реальности, и мы сравниваем высказывание с реальностью. При помощи высказываний мы даем предписания к действию, и эти предписания должны обладать по отношению к реальности тем отношением, каким обладает копия. Предписания, которые мы даем (сигналы, символы, которые мы употребляем), должны иметь *общее* упорядоченное значение, и их должно быть возможно интерпретировать в *частных* случаях: например, существует *общая* договоренность, что, когда

железнодорожный сигнал стоит в определенном положении, поезд должен остановиться, и это интерпретируется в каждом *частном* случае. Таким образом, язык может сообщать нечто новое, и мы можем интерпретировать общие правила языка в частных случаях.

3. Высказывание должно обладать соответствующей степенью сложности: например, команда должна обла-

Лекции публикуются с сокращениями.

— Ред. 273

^273^

дать такой же степенью сложности, что и действие, которое эта команда предписывает (которое должно быть выполнено по этой команде). Так, команда пройти от Х к У по линиям на рис. 1 должна предписывать соответствующее количество движений и поворотов, которые необходимо сделать.

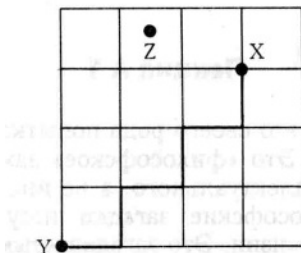

Рис. 1

И если язык может описывать только ту поверхность, которая следует по линиям, то в таком языке будет невозможно описать или задать координаты точки Z, которой нет на линиях.

Язык можно сравнить с управлением машины. Оно обладает той же степенью сложности, что и та сумма

движений, которые может произвести машина. Ты не можешь выжать четыре скорости из трехскоростной коробки скоростей. Попытка сделать это была бы эквивалентной произнесению бессмысленного высказывания.

Те же требования к описанию приложимы не в меньшей степени, чем к команде или предписанию. Описание верифицируется или фальсифицируется путем сравнения с реальностью, с которой оно может соотноситься или не соотноситься, быть

истинным или ложным. Так обстоит дело с высказыванием в принципе.

4. Высказывание, обладающее сложностью, является поэтому комплексом. Оно состоит из слов. Обладают ли слова значением за пределами высказывания? Слова функционируют только *внутри* высказывания подо-

274

бно рычагам машины. За пределами высказывания они не имеют ни функции, ни значения. Считается, что высказывание должно состоять из субъекта и

предиката, частей речи, разного рода грамматических отношений. Но это неверно. Я мог бы выразить некое высказывание, например, путем серии постукиваний. Так, прогулка от А до В на рис.2 может быть описана при помощи постукивания, если принять, что одно постукивание означает движение X направо, а два постукивания — движение X вверх.

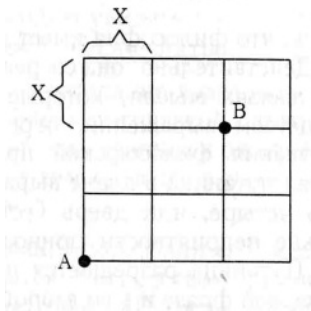

Рис. 2.

Существительные и другие части речи существенны только в нашем языке. Такие лингвистические классификации в большой степени заводят в тупик, что можно увидеть, заменив слова одно на другое в высказывании одной и той же языковой формы. Замена эта возможна только тогда, когда

слова принадлежат к одному типу. Ср.:

Эта книга голубая. Эта книга коричневая. Я устал.

Здесь *коричневый* и *голубой* могут быть заменены друг другом, *устал* не может быть заменено ни одним из этих слов. Такая замена привела бы к бессмыслице, потому что не все эти слова принадлежат к одному типу. *Голубой* и *коричневый* принадлежат к одному типу, поэтому заме-

275

на одного на другое, хотя и может сделать предложение ложным, не

сделает его бессмысленным.

Последнее мы можем также видеть в кэрролловской поэзии нонсенса:

Варкалось, хливные
шорьки

Пырялись по наве¹.

Это предложение можно расчленить на субъект и предикат и части речи, но оно бессмысленно.

Последнее показывает, что подобный анализ составляющих высказывания не является корректным.

Лекция А II

1. Можно возразить, что философия имеет дело с мыслью, а не с языком. Действительно, она сосредоточена скорее на внутренних связях мысли, которые должны быть изучены посредством выражений, передающих их. В процессе разрешения философской проблемы всегда выявляется некая путаница в плане выражения. Например, 2×2 есть четыре, или дверь (есть) коричневая (вспомним, какие неприятности приносит философам слою «есть»).

Путаница разрешается
написанием «=» вместо *есть* в
первой фразе и *е* во второй.

Но сказать, что философия имеет
дело с проблемой выражения, не
значит преуменьшить значение
этой проблемы.

2. Высказывание *есть* картина
реальности.

Два смысла картины —

(1) Портрет похож на то,
портретом чего он является.

(2) Нечто, что *имеет намерение*
быть картиной чего-то другого,
не будучи похожим на него в
смысле (1). То, что это картина,
содержится в намерении.

3. Что значит «понять» высказывание? Я могу понять твою команду, но не подчиниться ей, я могу думать о ней, но не действовать в соответствии с ней (сходная трудность возникает в случае с памятью и ожиданием).

¹ Первые строки стихотворения «Джаббервоки» из «Алисы в Зазеркалье» (в переводе Д.Г. Орловской)). — *Прим. пер.*

276

Тогда как мы обнаруживаем, что кто-то понимает высказывание? Если я хочу показать человеку, что я имею в виду под «поднятием моей руки 8 минут назад», я не могу сделать это, подняв мою

руку «8 минут назад». Я должен, вероятно, поднять свою руку теперь. Временной интервал заполняется ожиданием. Ожидание не содержит своего выполнения; выполнение или невыполнение отвечают ожиданию, но не содержатся в нем, ожидание и выполнение не могут идти рука об руку. Еще я могу сказать, когда мое ожидание выполняется (верифицируется), насколько близко оно выполняется: например, насколько близко похожи ожидаемый цвет и тот цвет, который я действительно вижу.

Я ожидаю увидеть красное пятно. Я вижу красное пятно.

Два факта — ожидание и реальное видение — имеют одинаковую степень логической сложности, и именно на уровне этой степени сложности ожидание и событие сопоставимы, а не в том смысле, в каком сопоставимы портрет и оригинал.

4. Мы учим язык, употребляя его. Языковое соглашение осуществляется посредством связи высказывания с его верификацией. «Понять» — значит быть приведенным

посредством языкового соглашения к правильному ожиданию. Об ожидании мы можем только сказать, что оно должно иметь ту же степень логической сложности, что и событие. Высказывание должно иметь ту же степень логической сложности, что и факт, к которому оно относится.

Чтобы быть сущностями одного логического рода, слова/выражения должны быть взаимозаменяемыми.

Я вижу а) Луну

б) поверхность Луны

а) и б) кажутся выражениями

одного рода, но они не всегда могут быть взаимозаменяемыми. Мы можем говорить о площади поверхности Луны, но не о площади самой Луны.

5. *Мысль*, что X имеет место, настолько отличается от самого X , имеющего место, насколько отличается от не-

277

го *высказывание* « X имеет место». И *мысль*, и *высказывание* выявляют метод обнаружения того, имеет ли место X , и точку в пространстве (визуальном, тактильном и т.д.), откуда его можно увидеть.

Например, «Часы пробьют в пять часов». Здесь (1) ты должен подождать, пока пройдет время (временнбе пространство), (2) если высказывание истинно, ты услышишь бой часов (аудиальное пространство).

Система языка может выразить ожидание только в том случае, если она может выразить положение дел в настоящем.

Лекция А III

1. Высказывание так же относится к реальности, как измерительный стержень к объекту измерения. Это не

сравнение. Измерительный стержень — это пример отношения.

Так мы смогли бы отметить точки c и d на часах и термометре, и эти две отметки говорили бы, что, когда стрелка часов достигает c , ртуть в термометре будет стоять на d . Отметки должны выражать возможные положения ртути и стрелки часов, мы должны уметь выражать положение дел в настоящем при помощи поразному расположенных отметок.

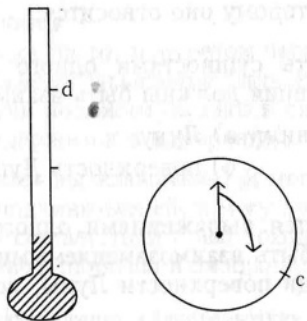

Рис. 3.

278

Мы должны располагать устройством, которое говорило бы нам, как применять измерительный стержень, метод его применения. Измерительный стержень должен иметь длину, то есть находиться в том же пространстве, что и измеряемая

вещь, и мы должны располагать устройством, позволяющим нам применять его.

Эти условия также верны применительно к высказываниям.

2. Правила, при помощи которых выражается метод применения, является частью языка. Если я говорю: «Эта доска длиной три фута», я должен знать, какую именно доску я имею в виду, и существование этой доски является частью языка.

3. Все условия, необходимые для сравнения высказывания и реальности, описываемой им,

являются частью правил, удовлетворяющих применению языка к реальности. Если $F(3)$ означает «Примени измерительный стержень X три раза к объекту O , и это даст тебе высоту O », то существование O и измерительного стержня есть часть высказывания $F(3)$. Что не является его частью, так это высота O .

Таким образом, в этом случае написанные символы сами по себе недостаточны. И часто дело обстоит именно так. Если я хочу, чтобы стену выкрасили в определенный цвет, я не могу

описать это словами, но должен дать образец этого цвета. Этот образец станет тогда частью высказывания. Сходным путем образ памяти может быть частью символа, одних слов самих по себе недостаточно. Я могу обладать воспоминанием цвета, которое в этом случае является частью символизма, поскольку имелся образчик цвета. Воспоминание или воображение есть модель в том смысле, что они имеют ту же степень сложности, что факт или объект, который помнится или воображается. Большинство

высказываний предполагает некоторого рода память или воображение.

Но мы *можем* выразить элемент, обычно обладающий памятью и воображением, в самом символе (написанном или произнесенном) — это то, что мы делаем в процессе анализа высказывания; мы вносим воображение в символ и этим исчерпываем степень его сложности.

279

4. Сложность языка задается грамматикой. Высказывание должно обладать такой же

степенью сложности, что и факт, который оно отображает. Оно должно обладать той же степенью свободы. Мы должны быть в состоянии сделать посредством языка ровно столько, сколько может произойти на самом деле. Грамматика принуждает нас к тому, чтобы совершать одни действия в сфере языка и не совершать других; она фиксирует степень свободы.

Цветной октаэдр (рис. 4) используется в психологии для представления спектра цветов. Но на самом деле он является

частью грамматики, а не психологии. Он говорит нам, что мы можем делать: мы можем говорить о зеленовато-синем цвете, но не о зеленовато-красном и т.д.

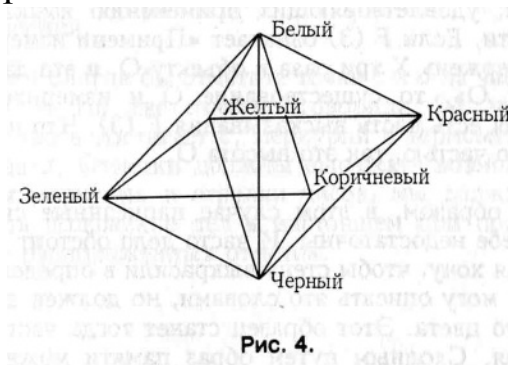

Рис. 4.

Но грамматика не является полностью делом произвольного, случайного выбора. Она должна давать нам возможность

выражать многообразие фактов, предоставлять такую же степень свободы, какую предоставляют факты.

Евклидова геометрия является частью грамматики. Это конвенция о выражении и поэтому часть грамматики (Минковский считает результат эксперимента Майкель-сона — Морли новой геометрией, Фитцджеральд — наоборот). Это только два выражения для одного и того же факта; мы можем выбирать любой, до тех пор пока между ними возможен разрешающий опыт.

Теперь мы можем видеть, что мы имели в виду, когда говорили, что нечто является возможным, если мы можем его себе представить. Если нечто имело место в прошлом, это не доказывает, что оно возможно теперь (хотя мы склонны так думать). Возможность заложена в самом языке.

Лекция А IV

1. Огден и Ричарде, а также Рассел считают, что отношение высказывания к факту является внешним отношением; это

неверно. Это внутреннее отношение. (Внутреннее отношение не может быть другим: оно дано во включенных терминах, в природе высказывания и факта.) С точки зрения Рассела, мы нуждаемся в чем-то третьем помимо ожидания и факта, который исчерпывает ожидание; так, если я ожидаю X и X приходит, нужно что-то еще, например нечто, происходящее в моем сознании, соединяющее ожидание и его исполнение. Но откуда я знаю, что это нечто есть именно то, что нужно? Не нуждаюсь ли я,

исходя из тех же посылок, в чем-то четвертом? Если так, то мы получаем бесконечный регресс, и я никогда не смогу узнать, что мои ожидания исполнятся. (Всегда можно будет требовать дальнейшего описания какого-либо данного нам критерия, что и приводит к бесконечному регрессу.)

Рассел исследует желание (ожидание) и голод так, как если бы они стояли на одном уровне. Но голод может быть утолен различными вещами, а мое желание (ожидание) может быть удовлетворено только одной

определенной вещью.

2. Мы не можем сказать «Высказывание p возможно». Если p имеет смысл, то это само по себе показывает, что оно возможно. Если бы p было невозможно, оно вообще не было бы высказыванием. Все, что мы могли бы иметь в виду под « p возможно», было бы « p имеет смысл». Не может существовать показатель, который разграничивал бы, произошло ли то, что утверждает p , или могло произойти. Итак, « p возможно»

281

не является легитимным

высказыванием. (Под
возможностью здесь
подразумевается логическая
возможность.)

3. Истинные высказывания
описывают реальность.
Грамматика -- зеркало
реальности. Грамматика
предоставляет нам возможность
выражать истинные или ложные
суждения: таким образом она
говорит нам нечто о мире. То,
что может быть высказано о
мире посредством грамматики,
не может быть высказано
посредством высказывания. Так
как это высказывание уже

предполагало бы собственную истинность, то есть предполагало бы грамматику.

Лекция А V

1. Язык представляет мир двумя способами.

(1) Его высказывания представляют положения вещей и являются либо истинными, либо ложными.

(2) Но для того, чтобы высказывание было в состоянии что-либо представлять, должно быть нечто, что оставалось бы неизменным и в языке, и в реальности. Например, картина

может представлять сцену правильно или неправильно: но и на картине, и на сцене, описанной на картине, будут присутствовать и цвет, и свет, и тень.

Мысль должна обладать логической формой реальности, если это вообще мысль, если она вообще претендует на то, чтобы быть мыслью.

Грамматика является выражением не того, как обстоит дело, но того, что возможно. Поэтому в некотором смысле возможность есть логическая форма.

2. Не существует логических объектов, таких, например, как «мысль», «комплекс» или «число». Подобные термины суть выражения для логических форм, а не понятий.

Грубо говоря, понятие может быть выражено как пропозициональная функция: например, $f(x) = (x)$ есть человек. Но мы не можем сказать $f(x) = (x)$ есть число. Подобные логические понятия являются псевдопонятиями и не

282

могут служить в качестве предикатов наряду с обычными

понятиями. Они чаще всего выражаются при помощи переменной вместе с правилом, применяемым к ней, правилом, обеспечивающим их логическую валентность. Так, я не могу записать $(\exists x).x$ есть число или $(\exists x \text{ число})f.x$, имея в виду, что существуют определенные переменные, к которым применяются специфические правила: псевдопонятия пишут внутри скобки, настоящие понятия — снаружи. Все соответствующие логические понятия выражаются при помощи переменной плюс

грамматическое правило,
применяющееся к ее
употреблению.

(Если имеет смысл сказать
«Существует четыре основных
цвета», то также должно иметь
смысл «Существует пять
основных цветов»).

3. То, что, таким образом, не
существует логических понятий,
объясняет, почему бессмысленно
производить классификации в
философии и логике. В
философии и логике нет «родов»
вещей, терминов и так далее. В
науке мы производим
разграничения и

классифицируем, и мы делаем это при помощи высказываний, которые истинны для одного рода вещей и ложны для другого. Именно этого мы не можем делать в логике.

Лекция А VI

Рис. 5

1. На рис. 5 фиолетовый цвет находится между красным и

синим в совершенно другом смысле, чем тот, в котором красный находится между фиолетовым и оранже-

283

вым. Нельзя смешивать оранжевый и фиолетовый (конечно, цвета, а не пигменты). Следовательно, было бы более правильно использовать квадрат (рис. 6). Но не существует средней точки между красным и синим (ср. с точками в геометрии, не имеющими координат).

Рис. 6

И если диаграмма наводит на эту мысль, то она все еще вводит нас в заблуждение.

«Основной цвет» и «цвет» — суть псевдопонятия.

Бессмысленно говорить «Красный — это цвет», а сказать «Есть четыре основных цвета» то же самое, что сказать «Есть красный, голубой, зеленый и желтый». Псевдопонятие (цвет) проводит границу *самого* языка,

обычное понятие (красный) проводит границу *внутри* языка.

Лекция А VII

1. На все это можно возразить: «Но ты все время говоришь о цвете (и подобных терминах)». Ответ на это возражение состоит в том, что то, что мы делаем, — это задаем грамматические правила и конвенции, применимые к цвету и т.д. На что возможно дальнейшее возражение: «Тогда ты говоришь о «чистых конвенциях», о чистых конвенциях в том смысле, что правила шахмат или любой

другой игры являются чистыми конвенциями». Грамматика, конечно, не является чистой конвенцией игры, в данном случае — языковой игры. Язык отличается от игры тем, что он приложим к реальности. Это приложение не показано в грамматике; применение знаков лежит за пределами знаков,

284

картина не содержит своего собственного применения. Язык соотносит себя с реальностью, рисуя ее картину, но эта соотнесенность не может быть продуктом самого языка, не

может быть объяснена при помощи языка. Попробуй найти соотнесенность с реальностью в таком высказывании, как «Это зеленое». «Это» в высказывании может указывать на цвет панели, куска дерева или чего угодно. Но это нам ничего не говорит о соотнесенности зеленого цвета с реальностью. Это предполагает, что мы уже понимаем слова, означающие цвет. Кто-то может угадать наше значение, но этим мы не достигнем соотнесенности с реальностью. Напротив, мы можем сказать «Это зеленое», указав на

определенным образом окрашенное пятно. Но здесь наше указание используется как знак эквивалентности. Это = зеленое. Но здесь опять-таки соотнесенность не будет достигнута, пока мы не знаем, что это за слово — «зеленое».

Конвенции уже предполагают применение языка: они не говорят о применении языка.

Грамматика в целом есть теория логических типов; а логический тип не говорит о применении языка. Рассел потерпел неудачу, пытаясь это понять.

Джонсон говорит, что

различительные характеристики цветов — это способ разграничения одного от другого. Красный отличается от зеленого не тем же способом, каким красный отличается от мела. Но как ты об этом узнаешь? «Это верифицируется формально, но не экспериментально» (W.E. Jonson, *Logic*. Vol. I, p. 56). Но это же нонсенс. Это то же самое, как если бы мы могли сказать, что портрет похож на оригинал, глядя только на портрет.

Язык показывает возможность построения истинных или ложных высказываний, но не

истинность или ложность
какого-то определенного
высказывания. Поэтому нет
высказываний, истинных a priori
(математические высказывания
вообще не являются
высказываниями).

2. Бесконечность

Бесконечность не является
ответом на вопрос «Сколько?». Бесконечно — это не число, это
бесконечная возможность языка
строить высказывания. Слово
«все» от-

285

сылает к экстенсиналу, но
невозможно отсылать к

бесконечному экстенсионалу.
Бесконечность — свойство
закона, а не экстенсионала.

Лекция А VIII

1. «Возможность» — это то, что можно выразить посредством высказывания, имеющего смысл (грамматика — это выражение того, что является возможным). «Бесконечная возможность» выразима не посредством высказывания, утверждающего эту возможность, а посредством закона построения. Бесконечная делимость выражается не посредством высказывания,

утверждающего, что деление имело место, а посредством закона, дающего бесконечную возможность высказываний, утверждающих возможность дальнейшего деления (деления на определенное число, но не на бесконечное число). Высказыванию, утверждающему возможность данного числа делений, соответствует определенная реальность: не существует бесконечной возможности. Бесконечность — это не число, но свойство закона.

2. Бесконечная делимость и пространство. Утверждалось, что

пространство не является бесконечно делимым. Но эксперимент не может ничего доказать относительно возможности: и показать, например, что является минимально видимой частицей пространства, не значит доказать, что пространство не является бесконечно *делимым* в принципе.

Геометрия используется в физике не в том смысле, в котором она является частью грамматики. Пространство, о котором говорит физика, является пространством в ином смысле, чем

пространство в смысле
визуального или тактильного
пространства.

ПАСХАЛЬНЫЙ СЕМЕСТР 1930 ГОДА

Лекция А IX

1. Различные смыслы понятия «обобщение» обладают общими структурными свойствами, но не качествами; они не являются специфическими различиями одного общего рода. Например, разновидности типа числа имеют общими определенные правила грамматики.

(i) (x). fx. Значениями X будут

собственные имена
(собственное имя в этом
смысле можно определить,
сказав, что, если им заменить
е в «е существует», то это
приведет к бессмыслице). И
если я пишу fa , fb , fc , fd , где a ,
 b , c , d являются значениями X
(например, основные цвета),
то мне не нужно другого
высказывания для того, чтобы
сказать «И это все». Ибо если
я говорю «И других цветов
нет», то тогда должно также
иметь смысл сказать
«Существует еще один», fa , fb ,
 fc , fd говорит мне все.

(ii) Я встретил человека. Это не может означать дизъюнкцию — я встретил a , или b , или c . Дизъюнкция — это не то, что мы имеем в виду. Здесь обобщение того же типа, что и в высказывании «В этом квадрате заключен круг». Но если мы пишем это $(\exists x). fx$, то еще существует нечто такое, что является кругом в этом квадрате, это эквивалентно рассмотрению «круга в этом квадрате» как возможного предиката. Но предиката чего? Что такое это нечто, что является кругом в этом

квадрате? Если это что-то, о чем можно с истинностью сказать, что это круг в квадрате, то должно также иметь смысл сказать, что это не круг в квадрате. Может ли это быть предикатом точки, которая является центром

287

круга и может быть определена при помощи координат? Тогда мы можем сказать, что есть две координаты, которые задают центр круга в этом квадрате. Но должен быть смысл в записи $(-3, x) - f(x)$ («Все круги в

этом квадрате»). Это была бы бесконечная тотальность, да к тому же бессмысленная.

Существует универсализм другого рода, который применим к гипотезе. Высказывание может быть верифицировано; гипотеза — не может, она является законом, или правилом, для построения высказывания, которое говорит, что произойдет, и которое может быть верифицировано или фальсифицировано.

Лекция А X

1. В грамматике не существует пробелов; грамматика всегда является полной. Это кажется парадоксальным, поэтому мы склонны полагать, что в состоянии делать открытия в математике и логике. Но неполнота может быть только внутри пространства. Существует фундаментальное различие между грамматическими «открытиями» и открытиями любого другого типа. Это различие логического плана, и оно вводит в соблазн использовать в обоих случаях

одно и то же слово. Поэтому штриховая функция Шеффера не являлась открытием. Заполнив проблему в грамматике, Шеффер обнаружил новое пространство.

2. Когда мы пользуемся гипотезой, мы можем выводить одно доказательство из разных источников. Ни с высказываниями о чувственных данных, ни с высказываниями логики и математики мы этого делать не можем. В высказываниях о непосредственном опыте, а также в логике и математике не стоит вопрос о различных

источниках доказательства, а в гипотезе он стоит.

3. Ты не можешь даже предвидеть того, что ты позднее докажешь при помощи определенного метода, прежде чем ты не узнаешь метода. Ты можешь думать, что человек в состоянии при помощи измерения углов треугольника достичь экспериментально или предвидеть

288

из своего опыта то, что он доказал позднее, а именно что сумма углов треугольника равна двум прямым углам. Но это не

так: то, что он *доказывает*, — это нечто совсем другое по сравнению с тем, что он достигает или предвидит в качестве результата эксперимента.

Геометрия не изрекает пророчества, но говорит, что, если результат измерения углов треугольника дает 181° , значит, в измерении была допущена ошибка.

4. Ты не можешь искать пространство, но только вещи в пространстве. «Пространство» в этом смысле означает все, в чем ты должен быть уверен для того,

чтобы быть в состоянии задать вопрос. То, что ищут в пространстве, должно полностью поддаваться описанию: описание должно быть в состоянии дать мне все, что я последовательно обнаруживаю. «Описание» не является ни в каком смысле неполным, как предполагал Рассел, разграничивая «описание» и «знакомство». Он полагал, что знакомство дает нам нечто большее, чем описание.

Логическое открытие есть нечто совершенно отличное от

обнаружения чего-либо в пространстве. В случае логического открытия, если бы мы могли полностью описать то, что мы ищем, мы бы тем самым уже обладали им.

5. То, что универсальность в особых случаях приводит к бесконечности, не делает ее более сложной, чем если бы было только три или четыре таких особых случая. Истинным является то, что высказывание утверждает все, что следует из него; и в этом смысле обладание четырьмя случаями в качестве следствий равнозначно тому, что

оно было бы более сложным по сравнению с обладанием тремя. Но универсальность с бесконечным числом особых случаев находится на совершенно другом логическом уровне. Она не утверждает бесконечное число высказываний. Евклидово доказательство не является бесконечно сложным. Доказательство того, что сумма углов треугольника равна 180° , является доказательством о пространстве, а не об одном определенном треугольнике. Бесконечную возможность

можно всегда представить как возможность при помощи символической записи.

289

Серия В: 1930 - 1931
МИХАЙЛОВСКИЙ СЕМЕСТР
1930 ГОДА

Лекция В I

1. Философия утратила свой ореол. Ибо мы теперь обладаем методом философствования и можем говорить об *умелых* философях. Сравним разницу между алхимией и химией; химия обладает методом, и мы можем говорить об искусных

химиках. Но однажды метод приходит к тому, что возможности для выражения личности существенно ограничиваются. Ограничивать такие возможности — тенденция нашей эпохи. Это характерно для эпохи упадка культуры или ее отсутствия. Великий человек должен быть не менее великим в такой период, но философия сейчас превращается в простое ремесло, и нимб с головы философа исчезает.

Что такое философия?
Исследование сущности мира?
Хотим ли мы окончательного

ответа или только некоторого описания мира независимо от того, можно ли его верифицировать? Мы, конечно, можем дать описание мира, включающее его физические состояния, и открыть законы, управляющие им. Но при этом мы упустим слишком многое; например, мы упустим математику.

Что мы фактически делаем, это приводим в порядок наши понятия, вносим ясность в то, что *может* быть сказано о мире. У нас в голове путаница относительно того, что *может*

быть сказано, и мы пытаемся
прояснить эту путаницу.

Эта деятельность по прояснению
и есть философия. Мы будем
потому следовать инстинкту
прояснения и оставим наш
первоначальный вопрос: "Что
такое философия?" Мы начнем
со смутного интеллектуального
беспо-

290

койства, подобно тому как
ребенок спрашивает: «Почему?»
Вопрос ребенка — это не вопрос
зрелого человека. Он скорее
выражает озадаченность,
смущение, чем требование

четкой информации. Итак, философы спрашивают «Почему?» и «Что?», не понимая ясно, что, собственно, они хотят узнать. Они выражают чувство интеллектуального беспокойства. Голос инстинкта всегда *некоторым образом* прав, но он еще не обучен выражать себя точно.

2. Что такое высказывание?

Высказывание — основной элемент нашего описания мира. Что такое высказывание? «Предложения между двумя полными паузами» или «Выражения, которые могут быть

истинными или ложными»? Но понятия «истинно» и «ложно» в данном случае излишни. Так, я могу ответить на высказывание «Идет дождь» — «Истинно». Но я могу также сказать «*Действительно, идет дождь*». Повторение утверждения может означать «Истинно».

Любое утверждение может быть опровергнуто: если имеет смысл сказать p , но также имеет смысл сказать $\text{не } p$. Если ты говоришь «Электрические лампы горят», в то время как они не горят, то тот факт, что сказанное тобой ложно, не имеет значения. Но когда бы

ты ни сказал «Воркалось, хливкие шорьки...», это высказывание не будет иметь значения.

Поэтому высказывание можно определить как такое выражение, которое может быть подвергнуто осмысленному отрицанию.

3. Но что это такое — иметь смысл и значение? Вероятно, можно сказать, что высказывание имеет смысл, если слова, составляющие его, имеют значение. Но как слова приобретают значение?

(i) Посредством определения.
Например, оранжевый —

желтовато-красный. Но здесь мы должны определить, что *значит* «желтоватый» и «красный».

(ii) Понимание их посредством вызывания у людей определенных состояний, например при помощи наркотиков.

(iii) Путем остенсивного определения. Но здесь все, что мы делаем, — это добавляем нечто к символи-

291

ческой записи. Остенсивное определение не освобождает нас от символизма. Оно не

является конечным и может быть понято неправильно. Все, что мы можем сделать, давая остенсивное определение, — это поменять местами одно множество символов на другое. Результатом является высказывание, которое может быть истинным или ложным. Объяснение значения символа само дается при помощи символов. Что существенно при объяснении символов — это понимание того, что символ накладывается на значение. Способ, посредством которого мы

действительно обучаемся значению символа, выпадает из нашего будущего понимания символа.

4. Возьмем в качестве примера слово, обозначающее цвет, -- *зеленый*. История того, как мы приходим к тому, что оно значит, несущественна. Остается наше понимание. Если бы мы объяснили кому-либо, кто ничего не знает о цвете, не прибегая к остенсивному определению того, что оранжевый означает желтовато-красный, то он должен был бы запомнить эту фразу с тем, чтобы понимать ее

значение в будущем. Слово «зеленый» может вызывать у нас по памяти ассоциацию с образом зеленого. Но запомнившийся образ — это не значение зеленого. Запомнившийся образ настолько же удален от зеленого цвета, как и слово. Это все еще символ, он не приводит нас к контакту с реальностью. Чтобы достичь реальности, мы должны быть в состоянии сравнить образ с реальностью, с реальным пятном зеленого цвета. Возможность для сравнения должна быть нам предоставлена, даже если бы не существовало

ни одного зеленого объекта.

5. Можно сказать: «Высказывание — это выражение мысли». Выражение не нуждается в словах. Мы можем заменить слово схемой. А мысль может быть желанием или приказом. Истина и ложь тогда будут соответствовать подчинению или неподчинению приказу. Мышление означает оперирование со схемами. Мысль — не то же самое, что схема, потому что мысль не нуждается в переводе, а схема нуждается.

Схема (без ее интерпретации) корреспондирует с определенным предложением, переводящим ее в высказывание. Высказывание — суждение — одно и то же, за исключением того, что высказывание является «типом», в котором суждение (высказанное в определенном месте определенным человеком в определенное время) высказывается: ср. с числом экземпляров схемы или фотографии. Как мы узнаем, что кто-то понял схему или приказ? Он может показать свое понимание только посредством

перевода его в другие символы, он может понять приказ и не повиноваться ему. Но если он повинуетя, он все равно производит операцию перевода, то есть соотносит свои действия с определенными символами. Итак, понимание на самом деле — это перевод в другие символы либо в действие.

Мы не можем достичь интерпретации схемы; правила интерпретации схемы не являются частью схемы.

В науке ты можешь сравнить то, что ты делаешь, скажем, с постройкой дома. Сначала ты

должен заложить твердый фундамент. Заложив его однажды, ты больше не можешь его трогать или сдвигать с места. В философии мы не закладываем фундамент, а приводим в порядок комнату, в процессе чего мы должны все трогать по многу раз. Единственный путь заниматься философией — это трогать все по два раза.

Лекция В II

1. Надежды, страхи, сомнения — все это формы мысли. Положим, я жду кого-то вечером и он опаздывает на час. Является ли

то, что он опоздал, одной мыслью, над которой я размышляю на протяжении всего часа, или это последовательность мыслей? Протекает ли мысль за более короткое время, чем ее выражение? (Слова — грубые инструменты.) Является ли мысль чем-то, возникающим мгновенно, или это продолжительный процесс? Мысль — это символический процесс, и он длится так же долго, как и его выражение.

293

Рассмотрим пример с

пищеварением. Мы можем рассматривать его

а) как процесс, характерный для человеческого организма;

б) как химический процесс, совершенно независимо от того, что он происходит в желудке.

Сходным образом мы рассматриваем мышление. Но любой физиологический процесс, включающий в себя мышление, нас не интересует. Мысль — это символический процесс, а мышление — это интерпретация схемы. Не имеет значения, где этот процесс происходит, на бумаге или на доске. Он может

включать в себя образы, и тогда мы думаем, так сказать, «в уме». Это сравнение «внутреннего» и «наружного» пагубно. Оно происходит из понятия «в голове», когда мы думаем о себе как о смотрящих вовне и думаем, что нечто происходит «в наших головах». Но потом мы забываем эту картину и продолжаем употреблять язык, производный от нее. Сходным образом человеческий дух изображался вначале как дыхание, затем картина была забыта, но язык, производный от нее, сохранился. Мы можем спокойно

пользоваться таким языком только в том случае, если мы осознанно помним картину, когда пользуемся ею.

Мысль — это символический процесс.

Совершенно неважно, где именно происходит этот процесс для обеспечения того, чтобы он имел место.

2. Возможно ли более непосредственное общение при помощи «чтения мыслей»? Что мы понимаем под чтением мыслей? Язык не является направленным методом общения по контрасту с ненаправленным

чтением мыслей. Чтение мыслей могло бы иметь место только посредством интерпретации символов и тем самым оставалось бы на том же уровне, что и язык. Это не привело бы к освобождению от символического процесса. Идея о том, что чтение мыслей является чем-то более непосредственным, производна от идеи, что мысль — это скрытый процесс и цель философа — проникнуть в него. Но не существует другого непосредственного пути прочтения мысли, как только при помощи языка. Мысль не

является чем-то скрытым. Она
лежит

294

открытой перед нами. То, что мы
открываем в философии,
тривиально. Она не учит нас
новым фактам, только наука
делает это. Но самый обзор этих
трюизмов чрезвычайно сложен и
важен. На самом деле философия
и есть обзор трюизмов.

3. Схема допускает различные
объяснения. Что значит понять
схему? Это значит быть
способным осуществить ее и
подчиниться ей. Что значит, я
могу осуществить ее? Если я

говоря, что могу поднять тяжесть, единственный способ проверить это — попытаться поднять ее. «Могу» здесь является гипотезой. Но существует другой смысл у слова «могу», когда не может быть сомнения, когда я говорю, что я могу подчиниться приказу или что я могу сделать что-либо: это — я могу; даже если впоследствии обнаружится, что я ошибаюсь (если все-таки обнаружится, что я *не могу* прочесть стихотворение наизусть, хотя говорил, что *могу*).

4. Разграничение между (i)

знаком и (ii) символом.

(i) Знак — это написанное начертание или звук. Мы издаем звук, придаем начертанию, закорючке — слову значение, с которым оно употребляется в высказывании, имеющем смысл.

(ii) Все, что необходимо для знака, чтобы он стал символом, само является частью символа. Эти соглашения являются внутренними для символа и не соотносят его с чем бы то ни было. Объяснение делает

символ полным, но не выходит (так сказать) за его рамки. Знак может быть бессмысленным, символ — не может.

Если мы слышим слова «Я устал», не видя говорящего, они значат меньше, чем если бы мы видели его движущиеся губы и слышали, как он говорит эту фразу. Итак, движение губ является частью символа, и слова «Я устал», написанные на доске, являются неполным символом. Все, что придает знаку значимость, является

частью символа.

В любой ассоциативной теории значения, в которой говорится, что значение состоит в припоминании чего-то в уме, образы, которые припоминаются, сами суть часть

295

символизма; ассоциация есть часть символизма и работает внутри него. Слова — это не просто припоминания.

Когда мы объясняем значение знака посредством указания, мы делаем символ полным. Мы задаем дальнейшие

условия, необходимые для понимания символа, которые сами принадлежат символу. Объяснение дает нам нечто, что дополняет символ, но не заменяет его, символ остается с нами.

Для того чтобы символ имел значение, необязательно, чтобы запомнилось конкретное событие его объяснения. На самом деле, можно вспомнить событие, но утратить значение. Кто-то может запомнить, что значение «оранжевый» было ему объяснено, но не

запомнить, что это за цвет. Образ потерялся, и мы не можем понять, что означает слово. Сходным образом я могу встретить Смита и впоследствии его узнавать. Но я могу его запомнить лишь как человека, которого я встретил в комнате X, то есть я могу запомнить событие, при котором было объяснено значение знака Смит, но быть не в состоянии узнать Смита, то есть не знать значение знака.

Критерий объяснения состоит в том, используется ли

символизме, на котором *В* стояло в старом? Значение слова — его место в символизме, а его место определяется тем способом, при помощи которого оно употреблено в новом символизме. Можно заменить «зеленый» абракадаброй, во всем остальном оставив язык неизменным. И обнаружить его значения, определив способы, при помощи которых оно употребляется. И часто можно угадать значение незнакомого слова, стоящего в высказывании, где значение всех остальных слов известно. Структура символизма

должна быть такой, чтобы символы в ней не могли быть заменены один на другой без изменения геометрии символизма. Поскольку

296

значение является частью любого символа, каждый символ должен иметь свое определенное место. Символы с различными значениями должны занимать асимметричные позиции.

Не существует такого понятия, как ничего не значащий символ. Давая значение знаку, я не переступаю пределов символа, но делаю его полным.

Лекция В Ш

1. Один французский политик однажды сказал, что французский язык — самый совершенный, потому что во французском предложении слова следуют в строгом соответствии с мыслью. Здесь обычной является идея, что существует как будто две серии — серия мыслей (идей, образов) и серия слов с некоторыми отношениями между ними. Дальнейшая ошибка заключается в том, что полагают, будто «продумывание высказывания» состоит в продумывании его термов в

определенном порядке. Высказывание — это механизм, а не конгломерат частей. Части должны быть соединены определенным способом, как в мотоцикле, который не просто коробка, полная разрозненных частей. Мы думаем при помощи знаков: думать мысль — это думать о высказывании, в котором она проявляется. Знак не является причиной нашего мышления, и то, что является его причиной, не является частью нашего мышления, в то время как слова являются его частью.

Символ — это все, что является

существенным в значимости знака: ср. определение I в Лекции В II 4 выше. Когда мы объясняем значение знака, мы описываем символ, а не выходим за его пределы. Значение — часть символа. Если мы объясняем знак при помощи остенсивного определения, мы проясняем значение символа.

2. Мы задаемся вопросом: «Что означает отрицание? Как может слово «не» выражать или объяснять отрицание?» Слово «не» — род сигнала, оно говорит: «Отрицаю». Но сигнал нуждается в объяснении. Должно

быть какое-то соглашение о его использовании.

297

Красный свет не является сам по себе приказом водителю остановиться; он должен быть объяснен ему в системе языка. Если слово «не» говорит: «Отрицаю это», то его использование этим способом может быть объяснено или не объяснено. Если оно может быть объяснено, то объяснение будет в словах, и объяснение заканчивается, когда оно достигает наибольшей степени эксплицитности. Значение «не»

может быть выражено только в правилах, приложенных к его употреблению. Высказывание может быть значимым только в системе высказываний. Если человек понимает приказ, выраженный в АВ на рис. 7, он также должен понимать приказ, выраженный в АС.

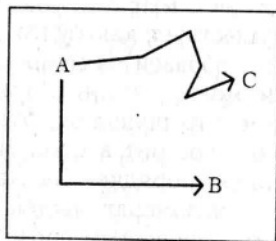

Рис. 7

3. Но делает ли это символизм самодостаточным? Не скажем ли

мы скорее, что сущность символизма выходит за его рамки? Нам кажется, что, если бы высказывание не было просто самим собой, но выходило бы за свои рамки, оно содержало бы нечто вроде тени своего выполнения, которая не являлась бы ни самим высказыванием, ни его выполнением, но чем-то средним (например, мое ожидание того, что м-р Смит войдет в комнату, кажется, *предвещает* его приход). Если вы отдали приказ, его не обязательно выполняют, но не отбрасывает ли он тень своего

выполнения? Например, я говорю кому-то пойти к Мэтью купить апельсинов. Кажется, что смысл высказывания/приказа в противоположность предложению, выражающему его, был тенью, вставшей между высказыванием/приказом и его исполнением.

298

Что же это за тень? Если приказ «Пойди к Мэтью и купи апельсинов» содержит тень своего исполнения, то тень не является самим исполнением, но чем-то «сходным» с ним. В определенном смысле мы можем

сказать: «Мы ищем эту тень прежде всего в ожидании». Если я ожидаю м-ра Смита, мое ожидание содержит нечто сходное с м-ром Смитом, если я ожидаю увидеть красное пятно, мое ожидание не может содержать само красное пятно, но только нечто похожее на него. Но ожидать чего-то «похожего» — значит уже ожидать чего-то другого. «Похожий» элемент, тень, в ожидании отличается от исполнения. Стоя рядом с тенью, ты не находишься *ближе* к исполнению.

Действительно, выражение «похож

на» уже использовалось в языке. Как же мы можем сказать: «Это похоже на то, чего я ожидал»? Но если это точно то, что я ожидал, как оно может быть похоже на него? Предполагаемая тень не может быть похожей на что-либо, пока того, на что она может быть похожа, не существует; употребление слова «похожий» предполагает, что две вещи уже до этого сравнивались. Наши символы никогда не могут содержать в себе своего собственного правила проекции или интерпретации, а быть похожим — значит быть

проекцией на что-либо. Объяснение сходством не проходит, потому что никто не может объяснить сходства до тех пор, пока вещи, которые сравниваются, не будут уже там. Внутреннее отношение не может быть там до тех пор, пока там не будут оба его термина.

Предположим, ты говоришь кому-то: «Ты знаешь алфавит?» Он отвечает: «Да». Ты спрашиваешь: «А ты уверен?» Он пробегает в уме алфавит и говорит: «Да, я уверен», хотя он и не повторял его вслух. Это пробегание в уме и есть «тень», о

которой мы говорим. Но тень и говорение вслух — это разные вещи. Откуда ты знаешь, что то, что он говорит вслух, похоже на то, что проносится у него в голове, на то, что он представляет себе? Сходство появляется только тогда, когда он говорит вслух. Было ли оно до того, как он начал говорить? Конечно, нет. Все, что мы можем сказать, — это то, что он спроецировал воображаемый алфавит на «реальный», или произнесенный, алфавит.

4. В таком контексте узнавание — это не то слово, которое

можно было бы употребить. Сущность узнавания в том, что должен быть какой-то другой тест, чем про-

299

сто узнавание, и если память — это единственный тест, то ты не можешь говорить об узнавании в истинном смысле.

«Это именно то, что ты себе представлял?» «Да, я его узнаю». Но откуда ты знаешь, что узнаешь его? Возникает вопрос того же рода, что и «Откуда ты знаешь, что другой человек видит то же самое, что и ты?». Для решения этого вопроса не

существует критерия, а о том, где нет критерия, мы говорить не можем. Там, где есть критерий, какой-то ответ возможен.

То же самое содержится в вопросе «В чем различие между портретом и картиной?». Что делает эту картину портретом м-ра Смита? Сходство с м-ром Смитом? Нет. Критерий портрета — не сходство, потому что есть хорошие и плохие портреты. В портрете предполагается наличие особого рода сходства, что делает портрет портретом в интенции. Как ты можешь объяснить интенцию? Что бы ни

добавлялось к портрету, никогда не сделаешь намерение более ясным, потому что всегда могут потребоваться дальнейшие интерпретации. Правила проекции выражаются в проектировании, правила интенции — в акте намерения. Внутренние отношения между вещами существуют только тогда, когда обе вещи, связанные этим отношением, имеют место. Ты не можешь предвидеть результат того, что ты проектируешь.

Лекция В IV

1. Любое объяснение символа не

может ничего сделать, кроме того, чтобы быть добавленным к символу. Наше понимание символа состоит в том, что он выходит за свои пределы к некой теневой сущности, стоящей между символом и фактом, к тени своего исполнения, которая предназначена для посредничества между символом и фактом. Какого рода объектом должна быть эта тень? «Она похожа на исполнение». Это объяснение, как мы видели, не проходит. Интерпретировать тень или нечто подобное, стоящее между символом, или

высказыванием, и фактом, не получится, пока мы не будем обладать другой тенью, которая служила бы посредником между первой тенью и фактом;

300

мы получаем в этом случае бесконечный регресс, мы не подходим ближе к разрешению проблемы. Как сходство не объясняет тени, так не объясняет оно и отношения тени к факту. Отчасти ошибка состоит в том, что мы путаем слово и высказывание. Эта путаница проходит через всю философию. Если мы говорим «Альфа, бета»,

то это не предполагает существования целого алфавита. Сходным образом, когда мы произносим словосочетание «зубная боль», это не означает, что у кого-то болят зубы, до тех пор пока оно не появится в высказывании.

2. Возвращаясь к «тени» и «сходству», зададимся вопросом: «На что должно быть похоже объяснение ожидания того, что выражено в высказывании p ?» Ответом было бы описание факта, который является исполнением ожидания. Но это было уже дано в высказывании p .

Может ли что-либо значимое быть добавлено к содержанию ожидания, уже выраженного в p ?

(Мы, конечно, имеем дело не с тем, что являлось причиной ожидания.) Нет. Ничего не может быть добавлено. Мы, конечно, можем проанализировать p , но этот анализ даст нам то же самое, что p . Единственное описание содержания ожидания есть его выражение в p . Что-либо, что можно добавить к этому или что может модифицировать содержание ожидания, должно модифицировать и его

выражение. То, чего ты хочешь или ожидаешь сейчас, не является предметом будущего опыта, ибо твое желание или ожидание может никогда не исполниться. Если я хочу яблоко, а потом обнаруживаю, что на самом деле я хотел банан, то означает ли это, что мое желание было неверным? Какого рода «сходства» мы ищем в ожидании? Если кто-то ожидает зеленое пятно на доске, то в ожидании должна быть «зеленая» составляющая, и сходство ожидания с исполнением показывается тем фактом, что

оба они выражены в языке одними и теми же словами, а не посредством какого-либо дальнейшего высказывания.

3. Вместо того, чтобы сказать, что высказывание должно быть похоже на факт, осуществляющий его, нас могут спросить, как факт совпадает с ожиданием и *vice versa*. Возьмем в качестве иллюстрации цилиндр, сов-

301

падающий с цилиндрической формой. Тогда выражение их совпадения состоит в том, что описание внутренней и внешней поверхностей имеет общее

уравнение, которое задается их очертанием. Ожидание и факт встречаются, и что интересно, так это то, что они имеют общего; все остальное не существенно.

Другая иллюстрация — кто-то шьет, руками или на машине. Вопрос тогда в том, что должно делать движение рук, чтобы производить стежки определенного рода (и чем должен быть наш ментальный процесс для того, чтобы мы делали то, что мы делаем?)? Мы можем, конечно, объяснить механизм движения мускулов

(или машины), то есть дать физическое объяснение. Но нас это не интересует, если мы хотим дать логическое объяснение. Ибо что мы можем сделать без пальцев, кончика иглы и даже нитки и ее свойств; если мы не пользуемся машиной, нам не интересен ее механизм. Что нам интересно, так это геометрия процесса шитья. Делая такой-то и такой-то стежок, нужно при этом поступать так-то и так-то. Объяснение того, на что похож процесс шитья, содержится в форме нити в полотне. Что существенно, это то, что именно

стежок и процесс (ожидание и факт) имеют общего.

4. Язык может выразить один метод проекции в противоположность другому. Нельзя выразить то, что могло бы быть другим. Мы никогда не достигнем фундаментальных высказываний на протяжении наших исследований; мы достигаем границы языка, которая останавливает нас, когда мы начинаем задавать дальнейшие вопросы. Мы не достигнем dna вещей, но достигнем точки, начиная с которой мы не сможем

продолжать дальше, не сможем задавать дальнейших вопросов. Мы не отказываем себе в этом, хотя могли бы видеть, что были не правы, задавая вопросы. То, что существенно для мира, не может быть *сказано* в мире, ибо тогда оно было бы другим и, как любое высказывание, могло бы подвергаться отрицанию. Наша трудность состоит в том, что наш интеллектуальный дискомфорт не пройдет до тех пор, пока все, что у нас есть, — это обзор различных трюизмов. Если недостает хотя бы какой-то одной обязательной вещи, мы все

равно чувствуем, что что-то не так.

302

Лекция V V

1. Если бы, объясняя событие в физике, мы объясняли его, описывая другое событие. Мысль есть событие, и в психологии мы можем дать сходное объяснение мысли, описывая другие мысли. Если мы говорим, что в философии мы хотим не *объяснять* мысли, а *анализировать* их, это тоже завело бы в тупик. Когда мы занимаемся анализом в науке, мы

описываем некоторые дальнейшие события. В химии мы анализируем воду и обнаруживаем, что ее химический состав H_2O , мы обнаруживаем нечто новое, связанное с водой. Анализировать здесь означает находить нечто новое. Но это не то, что мы подразумеваем под анализом в философии. В философии мы уже знаем все, что хотим знать; философский анализ не дает каких-то новых фактов. Не результаты науки интересны философам, а ее методы. Философский анализ не

говорит нам чего-либо нового о мысли (а если и говорит, то нам это неинтересно).

2. Какие бы необходимые соглашения я ни ввел для исполнения ожидания, они должны быть добавлены в выражение ожидания, и выражение — единственное, что интересует нас как философов.

Мы стремимся сказать, что ожидаем чего-то; но наше ожидание было бы корректно выразить в *высказывании*.

Мы приходим к путанице и подменяем высказывание «Я ожидаю м-ра Смита» именем и,

таким образом, приходим к идее, что то, чего мы ожидаем, — это *вещь*. Любое выражение, которыми пропитан наш язык, подобное этому, имеет в качестве источника глубоко укоренившуюся пагубную путаницу. Мы путаем имя, или слово, или значение слова («красное») с высказыванием, в котором слово употребляется («Это — красное»), слово само по себе не предполагает никакого знания о мире, высказывание говорит нечто о мире, что может быть опровергнуто.

3. То, что выражение и исполнение имеют общего, *показано* посредством употребления того же выражения для описания того, что мы ожидаем, и его исполнения (в обоих случаях употребляется слово «красное»), но выражение «иметь общим» само запутанно. «Иметь

303

общим красное» (например) обычно означает «Оба предмета красные», а это не то, что мы имеем в виду. Этот общий элемент в ожидании и исполнении не может быть

описан или выражен в каком-либо высказывании.

Мы бы могли разграничивать между обладанием общим свойством и обладанием общей составляющей и сказать, что мы имеем в виду последнее. В этом случае два употребления должны быть совершенно различны и второе должно быть грамматическим правилом о символах. Ибо общая составляющая не может быть просто словом, звуком или стежком; это не только звук «красное» или очертания слова. Если мы говорим, что ожидание

и исполнение имеют общую составляющую, то мы делаем грамматическое утверждение.

4. Что оправдывает нас в употреблении какого-то определенного слова?

Предположим, я говорю: «Это платье черное». Слово «черное» в каком-то смысле произвольно, вместо него можно было бы поставить другой звук или росчерк. И корреляция между словом «черное» и определенным объектом сама по себе произвольна и не имеет последствий. Но если сказанное имеет смысл, то мы должны

обязать себя употреблять слова в этом смысле, и это не вопрос ассоциации, она вообще не может заставить язык работать.

При употреблении языка существенно то, что я связываю себя правилом употребления. Слово обладает значением только в грамматической системе, и его характеризует тот способ, при помощи которого оно употребляется. Мы можем понять схему только в ее соотнесенности с системой, в которой она появляется; ср. карту лондонского метро, на которой станции показаны в правильном

порядке, но при этом так, как будто они расположены по прямой линии.

5. Метод проекции должен заключаться в процессе проектирования; процесс представления достигает того, что он представляет, посредством правила проекции. Если я копирую что-либо, то мои промахи компенсируются моей досадой и сожалением и т.д. по отношению к ним. Общий результат — то есть копия *плюс*

304

намерение — является эквивалентом оригинала.

Действительный результат — лишь видимая копия — не представляет весь процесс копирования, мы должны включать в него намерение. *Процесс* содержит правило; одного *результата* не достаточно для описания процесса.

Мы понимаем символ (копию или карту метро) как часть системы, а система описывается ее грамматикой (а не дальнейшими высказываниями).

Лекция В VI

1. То, что есть «общего» между мыслью и реальностью, должно

быть уже выражено в выражении мысли. Ты не можешь выразить это общее в дальнейшем высказывании, и бесполезно даже пытаться делать это. «Гармония» между мыслью и реальностью, о которой философы говорят как о «фундаментальной», есть нечто, о чем мы не можем говорить, и поэтому вообще не является гармонией в обычном смысле до тех пор, пока мы не можем описать ее. То, что делает возможным для нас правильно судить о мире, также делает возможным и судить о нем

неправильно.

2. Как может обладание общим словом быть выражением чего бы то ни было? (Под словом мы подразумеваем не только звук или росчерк, но все, что делает слово символом.) Символ не может быть символом сам по себе; то, что делает его символом, принадлежит системе символов. Высказывание не является высказыванием, пока оно не проявится в рамках грамматической системы. Если я употребляю символ, я должен связать себя; это не просто произвольная корреляция звуков

и фактов. Если я говорю, что это — зеленое, то я должен сказать, что другие зеленые предметы тоже являются зелеными. Я связан будущими употреблениями.

3. Если я копирую что-либо, я должен следовать правилу копирования, должен предполагать наличие некоторого метода проекции (опять-таки я связываю себя). Если есть какой-либо критерий для решения того, явля-

305

ется копия правильной или нет, то необходимо также предположить

наличие правила копирования; иначе мы вообще не можем говорить о копиях. Правило управляет моим поведением, когда я делаю копию, и без этого связь между копией и оригиналом невозможна.

4. В музыкальной партитуре нотная запись является ясной картографией тех звуков, которые должны быть сыграны. Нотная запись является картиной движения моих рук по клавиатуре. Что такое диезы и бемоли? Это сигналы в точном смысле слова. Язык состоит из сигналов. Сигнал должен быть

объяснен, и объяснение должно давать нечто, что дополняет сигнал. "Исторический" факт того, что объяснение имело место, не важен; важно то, что дается в объяснении. Даже если мы забываем объяснение, сигнал может заставить нас остановиться и задаться вопросом, что, собственно, он означает; мы можем вспомнить, что видели его раньше, но не то, в чем состоит объяснение. Если мы в будущем поймем сигнал, то самого объяснения вполне достаточно; и если есть такие особенности сигнала, которые

нельзя объяснить, то они несущественны. Но объяснение должно быть дано в языке, то есть в символах. Это все, что у нас есть для наших целей (что-либо другое было бы мистическим).

5. Ноты, диезы и бемоли в музыкальной нотации не обозначают одним и тем же способом. Знаки, будучи сигналами, должны быть объяснены. Способ, при помощи которого мы объясняем их, — это способ, которым мы объясняем цвета. Мы нуждаемся в добавлении к слову «зеленый»

чего-то еще. Мы можем забыть объяснение, данное нам, и слово, звук «зеленый» сам по себе не поможет тебе найти горшок с зеленой краской. Слово «зеленый» (подобно сигналу) должно быть соединено при помощи объяснения с символом другого языка, например языка памяти. Но пока что мы пользуемся обыкновенным языком (даже если уже и не *словами*).

6. Где бы ни проявлялось непонимание, мы должны вызывать к объяснению. Но высказывание, в котором

выражено объяснение, не является чем-то другим по сравнению с самим объяснением, даже если оно не мо-

306

жет быть полностью написано или произнесено. Объяснение только добавляется к символу, который после этого должен становиться самодостаточным. Если ты не понимаешь высказывание, у тебя нет ничего, что бы помогло тебе, кроме самого высказывания. Мы не нуждаемся в том, чтобы переводить его, но наше понимание его управляет нами. Объяснение высказывания — это

своего рода определение, которое замещает одно множество символов другим.

Лекция В VII

1. Тот факт, что разные высказывания имеют общие слова, не может ничего выразить до тех пор, пока слова произвольны. До тех пор пока слово произвольно, оно не может ничего выразить; какая польза была бы от простого сопоставления звуков и фактов? Корреляция имеет значение только в том случае, если мы при помощи ее обязуем себя

использовать звуки впредь одним и тем же способом. Корреляция должна иметь последствия, и язык должен быть по отношению к этому достаточно жестким.

2. Должно стать возможным быть ведомым языком. Каким образом? Так же, как мы ведомы значками музыкальной партитуры. Нас ведет расположение значков, и если бы значок стоял бы в другом месте, я играл бы по-другому.

Откуда ты знаешь, что ты сделаешь, если значок будет на другом месте?

(1) Не из опыта. Это знание не

есть нечто верифицируемое последующим опытом. Я должен быть в состоянии знать это теперь.

(2) Не то же ли это самое, когда тебя ведет механически. Пианола может играть неправильно, но мы не можем быть уверены, что она не будет играть неправильно. И нет ничего в самой машине, что может быть правильным или неправильным. Она может играть так, как она играет.

307

Но мы привыкли смотреть на машину как на символ общего правила; мы видим за ней

намерение, способ, при помощи которого она *должна* работать.

Почему быть ведомым какими-то закорючками значит следовать общему правилу? Это правило не содержится ни в результате исполнения, ни в результате плюс партитуре (так как партитура может приспособить *любое* исполнение к *некоторым* правилам). Общее правило содержится только в намерении исполнять партитуру. Описание акта исполнения никоим образом не будет содержать описания партитуры («Он пытался играть в соответствии с этой

партитурой»). Мы *видим* правило в соответствии исполнителя партитуре.

3. Что значит «содержится»?

Серия 1, 4, 9, 16 ... может быть интерпретирована в соответствии с общим правилом, но без общего правила, записанного ниже (например, x/x^2). Общее правило содержится во всех единичных случаях и поэтому не может быть выделено, общий член серии (x/x^2) не выделяет общего правила, ибо мы могли бы продолжить, задав вопрос: «Как применяется общий член?» Общий член может

быть понят, только если мы увидим, как он употребляется. Если я вижу общее правило, я вижу его в единичном случае, и когда я интерпретирую общий член, я делаю то же самое, что я делаю, когда я интерпретирую тот или иной отдельный случай. Отдельный случай содержит общее правило, но не объяснение правила. Правило — это то, что делает символизм произвольным. Мы не можем верифицировать его опытным путем, но он содержится в нашем намерении. Общее правило — это стандарт, в терминах

которого мы судим о том, что мы делаем, в независимости от того, правильно ли мы играем партитуру или неправильно; и если исполнитель на самом деле не читает партитуру, это совершенно несущественно.

4. Вещи похожи друг на друга лишь с отсылкой к правилу проекции. Последнее часто затемняется тем фактом, что мы обычно используем только одно правило, как в портрете, который должен быть похож на оригинал. Но движение транспорта подобно красному,

желтому и зеленому цветам уличной сигнализации. Выбор цветов произволен; но, выбрав их один раз, мы становимся связаны ими. Правило интерпретации ограничивает возможности значимого символизма. Оно обеспечивает одни возможности и не обеспечивает других. В последнем случае эти другие возможности лишены значения, пока мы не обеспечим для них новое правило (мы могли бы добавить знак к нашей партитуре, который бы означал «исполнять дважды как можно громче»). Правила символизма

дают определенную степень свободы, выражающуюся в правилах ее грамматики, которая говорит нам, какие комбинации разрешены, а какие не разрешены. Объяснение усиливается разнообразием системы, разграничивая возможные интерпретации. Понимание символизма соотносится с объяснением, а объяснение снимает непонимание. Когда дано правильное разграничение, никакие дальнейшие объяснения нежелательны и невозможны.

Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.:
Издательская группа «Прогресс»,
«Культура», 1993 г.